

Государственный музей-заповедник «Царское Село»

РОССИЯ – ГЕРМАНИЯ ПРОСТРАНСТВО ОБЩЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ
X ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Санкт-Петербург
2004

ного холма. Монумент достигает в высоту 91 метра. Главенствующую роль на фасаде пьедестала играет 60-метровый рельеф с изображением поля Лейпцигского сражения.

Архитектурное деление интерьера памятника является выражением его основных идей. Нижняя часть – крипта – хранит память о павших. В средней находится зал Славы, в котором символически представлены характерные черты воевавших народов. В верхней части по своду расположились 324 всадника- триумфатора.

Чтобы подняться на самый верх немецкого памятника, нужно преодолеть 500 ступеней. Памятник венчает квадратная смотровая площадка, выложенная десятитонными гранитными блоками. Ее площадь – 50 кв. м.

Земляные работы по постройке храма были начаты 18 октября 1898 г. и продолжались два года. Строительство велось в течение пятнадцати лет. При строительстве было использовано до 120 тыс. куб. м бетона. Для наружной и внутренней облицовки капитальных стен и изготовления скульптур использовался гранитный порфир. Этот долговечный камень добывается под Лейпцигом. Было доставлено около 26 500 отдельных глыб весом от 1200 до 1800 кг. Построение такого сооружения в то время явилось значительным техническим новшеством. В целом вес памятника – 120 тыс. тонн, а расходы на его строительство составили около 6 млн марок. Открытие памятника состоялось 18 октября 1913 г. На открытии присутствовали представители всех союзных держав. Мнения о художественной ценности монумента противоречивы. Но его историческое значение неоспоримо. Памятник стал великим символом освободительной войны 1813 г., напоминанием и предостережением будущим поколениям.

¹ РГИА, ф. 1276, оп. 10, д. 1188; оп. 9, д. 517; ф. 1278, оп. 6, д. 1497; оп. 7, д. 1053, 1133; ф. 1158, оп. 1, д. 199; ф. 789, оп. 13, д. 164, 1912 г.; ф. 570, оп. 1 1, д. 848.

² Письмо начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Аверьянова председателю Государственной Думы. РГИА, ф. 1278, оп. 7, д. 1133.

Г. В. СЕМЕНОВА

Немецкая мануфактур-колония Фриденталь в Царском Селе

В числе достопримечательностей, которыми славится город Пушкин, имеется одно здание, являющееся иллюстрацией отношений, связывавших монархов России и Германии. Это дом Кемпера (Московское шоссе, 16), построенный в период царствования императора

Александра I. Свидетель прошлого колонии Фриденталь, около ста лет просуществовавшей в Царском Селе, он состоит под государственной охраной как памятник истории и культуры периода классицизма и произведение зодчего В. П. Стасова. Его скромный облик сохраняет подлинные черты архитектуры Александровской эпохи, являясь также памятником основания этого поселения.

Земли колонии Фриденталь занимали обширную территорию императорского города Царского Села, ограниченную сейчас Московским шоссе, Софийским бульваром, улицами Жуковско-Вольнской и Железнодорожной¹. В путеводителе С. Н. Вильчковского о ней говорится: «Против пересечения обоих бульваров (ныне Софийского и Октябрьского. – Г. С.), слева начинаются дачи, построенные на земле, принадлежащей потомкам немецких колонистов. Колония эта называется „Фриденталь“ и была населена в период 1816–1825 гг. переселенцами из герцогства Бергского. Колонисты устроены в семи домах, возведенных на счет казны, и первоначально занимались огородничеством, на отведенных при каждом доме земельных участках, а также приготовлением шелковых, бумажных, шерстяных и льняных изделий, особенно лент и тесемок»².

Устройство колонии началось с прошения фабриканта Кемпера, прибывшего в 1816 г. из герцогства Бергского, о принятии двадцати или двадцати пяти семейств, намеревающихся выехать в Россию: «Они, будучи принуждены оставить свое отечество по обстоятельствам, произведшим остановку в промыслах, пожелали завести в России, недалеко от столицы, небольшое мануфактурное селение в том же виде, как и в отечестве их, где при небольших домах у каждой семьи находятся огороды и несколько земли для посева льна и других растений»³.

Для поселения колонистов по указу Александра I в 1816 г. отведен прямоугольный надел царскосельской земли за городским валом, ранее использовавшийся под пашни крестьянами слободы Кузьминой. Участок расположили таким образом, что его задняя граница составила прямую линию с Кузьминским бульваром (сейчас Октябрьский бульвар), а Софийский бульвар стал боковой границей колонии. Дома размещались вдоль Московского шоссе, со значительным отступом от красной линии застройки улицы, за ними в глубине находились дворы с хозяйственными строениями. За дворами во всю ширину надела и параллельно Софийскому бульвару тянулись узкие и длинные полевые участки. Всего их было пятнадцать: принадлежавших колонистам по числу семей тринадцать участков и состоявших в общем пользовании два. Композиционно-планировочное решение предоставленного колонистам надела принадлежало, предположительно, архитектору

В. И. Гесте, автору царскосельских бульваров⁴. Оно во многом определило историческую градостроительную ситуацию в этой части Царского Села. По задней границе колонии в середине XIX в. проложили улицу, названную в честь известного и почитаемого местными жителями царскосельского врача Жуковского-Волинского. По восточной границе земель Фриденалья после крестьянской реформы 1861 г. проходила граница между городом и Царскосельским уездом (на месте современного внутриквартального проезда между домами 36 и 38 по Московскому шоссе)⁵.

Архивные документы подтверждают сведения Вильчковского о том, что дома для колонистов сооружались на казенный счет Царскосельским дворцовым правлением. В будущем предполагалось возмещение колонистами предоставленной им на обустройство ссуды. Строительство первых четырех зданий для поселения семи семейств «фабрикантов» производилось в 1819–1820 гг. на отпущенные по высочайшему указу из Государственного казначейства 76 144 руб. Всего же со стороны казны на водворение поселенцев было израсходовано более 190 тыс. руб. В 1825 г. в высочайше утвержденном докладе управляющего Министерством внутренних дел о колонистах значилось: «Они упражняются с особенным трудолюбием и успехом в своих рукоделиях и, по свидетельству Директора департамента Государственного хозяйства и публичных зданий Джунковского, ведут себя во всех отношениях как лучшие хозяева, обучая при том своим рукоделиям несколько воспитанниц Санктпетербургского Воспитательного дома... Дома их и земля остаются всегда собственностью Царскосельской вотчины»⁶.

Каждый дом, бревенчатый, обшитый тесом и одноэтажный, был рассчитан на две семьи, за исключением дома для депутата колонистов Кемпера. Его семейство занимало половину первого этажа, а вторая часть постройки, включая мезонин, предназначалась для конторского использования, магазина и школы⁷. В 1822–1825 гг. к первым четырем прибавили еще три дома для проживания шести семейств, которые также строили по стасовскому проекту с незначительными изменениями планировки. С лицевой стороны перед фасадами домов были устроены деревянные палисады, которые в середине XIX в. заменили живыми изгородями из кустарника кротегус. Дугообразные в плане, они с двух сторон примыкали к центру фасада каждого дома, выделяя и подчеркивая архитектурное оформление ризалитов, завершенных треугольными фронтонами⁸.

Сохранившийся в РГИА типовой «План дома со службами для двух семейств фабрикантов» – копия с проекта В. П. Стасова. Он позволяет составить представление об особенностях планировки и

функционального использования помещений. Прямоугольный в плане дом в девять оконных осей по фасаду имел один центральный вход, первоначально решенный в виде ворот, со стороны улицы и со стороны двора. Сквозной, на всю ширину здания общий вестибюль разделял его на две квартиры с симметрично устроенной планировкой. По сторонам вестибюля вдоль лицевого фасада находилось по три комнаты с анфиладной планировкой, которые предназначались для личного использования. Центром анфилады была «комната для жилья» – квадратное в плане помещение с печью, по ее сторонам располагались спальня и ближайшая ко входу комната с очагом – кухня. Со стороны вестибюля к кухням примыкали небольшие помещения холодных кладовых с лестницами на чердак и в подвал. Со стороны двора планом предусматривалось устройство двух помещений: большой, в три окна, мастерской и комнаты для рабочих. Таким образом, в архитектурно-планировочном решении домов совмещались две функции – жилая и производственная⁹.

Семь домов фабрикантов образовали улицу с односторонней застройкой от Царскосельского городского вала, где впоследствии возвели Московские ворота, до пересечения с Московской дорогой. В 1825 г. старый участок этой дороги, начинавшийся от Пашкова моста-плотины на Нижних прудах, ликвидировали и вместо него устроили шоссе вдоль селения Фриденваль. Наряду с названием шоссе «Московское» в документах часто встречаются другие – Фриденвальское или Колонистское. На его противоположной стороне вначале также предполагалось построить дома для переселенцев, но уже в середине 1820-х гг. здесь началось формирование императорского Отдельного парка, а расположенный здесь пруд до сих пор называют Колонистским.

До начала XX в. территория Фриденваля представляла собой обширный земельный надел, занятый усадьбами и огородами. Землю предоставили колонистам в потомственное владение на определенных условиях, и они не могли распоряжаться ею по собственному усмотрению. Однако многие в обход царскосельского начальства сдавали свои участки в аренду под огороды и под строительство дач. После прокладки улицы Жуковского-Вольнского почти все колонисты, участки которых имели выход на эту улицу, сдавали часть своих земель дачникам. Один из них, Келерман, на своем участке устроил проезд от Жуковского-Вольнской ул. до своей усадьбы и обе стороны его застроил дачами. В 1903 г. арендовавшая у него дачу некая Егорова обратилась в Царскосельское дворцовое правление с просьбой провести на арендуемый ею участок водопровод. Следствием этого обращения стала обширная переписка, в результате которой выяснилось, что коло-

нистами сдано в аренду семнадцать участков (до 1903 г.), из которых тринадцать отвели под постройку домов и четыре под огороды. Выяснилось также, что в большинстве случаев аренда оформлялась нотариальными договорами, в которых сданная земля названа некоторыми колонистами собственной, а другими – данною от казны в потомственное владение. На всех арендуемых участках возведены дома, а разрешение на постройку получено колонистами на свое имя, хотя многие дома строились арендаторами на собственные средства. Бесконтрольная застройка участков привела в беспорядок внутриквартальную территорию.

Колонистам было предложено выкупить принадлежавшие им на условиях потомственного пользования участки в собственность. «Условия» выкупа предварительно обсуждались на общем собрании с представителями Царскосельского дворцового правления 20 марта 1911 г. и высочайше утверждены 29 сентября 1911 г. Они предусматривали предварительно устройство нескольких улиц, прокладку водопровода, канализации, электричества. Благоустройство необходимо было привести в соответствие с нормами, принятыми в Царском Селе того времени, до выкупа участков. Сметы на эти работы и новый план колонии составлены и утверждены государем одновременно с условиями выкупа. Стоимость работ по благоустройству предполагалось включить в сумму выкупного платежа. Казенные дома предоставили колонистам безвозмездно «за ветхостью», однако решение вопроса о выкупе участков прервала начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война.

Проект перепланировки колонии с показанием вновь предполагаемых улиц и всех существующих к этому времени построек составил гражданский инженер В. Я. Лангваген по фиксационному межевому плану, снятому землемером М. А. Хауке в 1909 г.¹⁰ Земля под новые улицы отчуждалась из состава владения колонистов и не учитывалась при выкупе.

В одном из документов содержится объяснение названия улиц, которые предполагали провести. Пешковская (сейчас ул. Глиники) – по имени начальника дворцового правления Пешкова, при котором был возбужден вопрос о выкупе земель колонистами (ум. 1909); Ожаровская (ныне Чистякова) – вопрос о поселении колонистов решался в то время, когда начальником дворцового правления был граф Ф. П. Ожаровский; Мельниковский пер. (ныне не существует) как пролегающий рядом с домовладением инженера Мельникова, сына министра путей сообщения и известного строителя Николаевской железной дороги; Удаловская – по другую сторону железной дороги как прилегающую к владениям бывших царскосельских вотчинников,

по имени долголетних царскосельских управителей; Железнодорожная – согласно ее топографическому положению вдоль Царскосельской железной дороги. Следует отметить, что наименования улиц соответствовали принятым в Царском Селе традициям.

Сохранение царскосельских традиций проявилось и в разбивке территории на прямоугольные кварталы, ширине новых улиц, в определении ширины участков вдоль улиц не менее 30 саженей. Упорядочение внутриквартальной структуры было затруднено в связи с наличием на многих участках стихийно возникших ранее зданий. Расположение построенных по этому плану зданий (дома 3, 5, 22, 24, 30 по ул. Глинки) свидетельствует о том, что принцип строчной застройки улиц в линию здесь не соблюдался. Отступлением от традиционной царскосельской планировки являлась также попытка устроить на пересечении Ожаровской и Пешковской улиц площадь с памятником Александру I, которая осталась не осуществленной из-за начавшейся войны в 1914 г. и последовавшей за ней революцией. Пожелание увековечить память императора, по указу которого была основана мануфактур-колония, колонисты высказали в 1912 г. Проект площади и установки на ней памятника составил Лангваген 14 октября 1914 г. Сохранившаяся в архиве светокопия этого проекта не имеет утверждающих виз, хотя на опубликованном в справочнике «Весь Петербург» за 1915 г. плане Царского Села она уже обозначена.

Из предлагаемых планом Лангвагена улиц до 1917 г. проложили Пешковскую и Железнодорожную. Устройство Ожаровской задержалось, так как проводилось оно на средства Дворцового правления, в ведении которого остался весь восьмой участок, бывший до 1911 г. в общем пользовании колонистов. Предполагавшуюся сдачу в аренду двенадцать небольших участков по обе стороны Ожаровской не успели осуществить и, соответственно, застроить. К 1930-м гг. на ее месте находилась пустырь с кучами песка и прудами. Ее прокладку завершили в 1950-е гг. с сохранением прежнего названия, а впоследствии присвоили имя П. П. Чистякова (после открытия дома-музея в 1981 г. на Московском шоссе). Надобность в Мельниковском переулке отпала в связи с утратой, вероятно во время войны 1941–1945 гг., построек на участке Мельникова.

В настоящее время большая часть дореволюционной застройки колонии утрачена. Здесь преобладают здания, построенные в 1950-е и последующие годы, в значительной степени формирующие современный облик квартала. В связи с утратой стасовских домов – из семи сохранился один – сместился главный композиционный акцент в облик застройки четной стороны Московского шоссе. Следует, однако,

заметить, что построенные в советское время крупные многоквартирные здания сохранили, в основном, первоначальную внутриквартальную структуру, располагаясь в границах старых участков колонистов.

Из пятнадцати участков колонии № 8 и № 15 состояли в общем пользовании. Каждый из построенных по проекту Стасова домов, включавший два «полудома», размещался на двух смежных участках в следующем порядке:

№1/1¹¹ площадью 1 дес. 962 кв. саж. отведен колонисту Августу Остерману и принадлежал впоследствии его наследникам. В 1911 г., кроме казенного полудома с фабрикой, на его дворе находились собственные деревянные постройки¹². Одноэтажный дом с крестообразным мезонином «на ступлях», возведен по проекту 1857 г. для дочери Остермана Шарлотты Остерман и находился на одной линии со стасовским, ближе к Московским воротам. Двухэтажный флигель в пять осей по фасаду и со службами в глубине двора построили в 1872 г. для вдовы колониста Марии Николаевны Остерман. Автором обоих построек был архитектор Н. С. Никитин. Весь участок в 1912 г. сдавался в наем под дачи и огороды, его владельцем был надворный советник Владимир Васильевич Остерман.

№ 1/2 площадью 1 дес. 962 кв. саж. в 1911 г. принадлежал колонистам Абраму и Фердинанду Мундингерам. Со стороны Московского шоссе, кроме казенного полудома и служб при нем во дворе, других построек не было. Всю длину участка до ул. Жуковского-Вольнского занимал фруктовый сад, который обрабатывался самими домохозяйками¹³.

Сейчас со стороны Московского шоссе место двора Остерманов-Мундингеров занимает жилой трехэтажный дом из силикатного кирпича, построенный по типовому проекту в 1960 г. На углу Софийского бульвара и ул. Глиники на участке Остермана расположена школа постройки 1930-х гг. Территория обоих участков между ул. Глиники и Жуковского-Вольнского превращена в сквер общественного пользования.

№ 2/3 в 1911 г. принадлежал колонисту Якову Кремеру, площадь его равнялась соседнему¹⁴. В числе чертежей построек на его участке сохранился фиксационный чертеж стасовского фасада с обозначением на нем пристройки балкона к полудому Кремера¹⁵. Рядом с казенным на его участке находился собственный жилой дом, построенный по проекту кондуктора Трубицина 1876 г. Его облик с крестообразным в плане мезонином напоминал аналогичную постройку Остермана, за исключением рисунка резных деталей в оформлении наличников и карниза. В глубине двора за полудомом находились различные службы, среди которых – оранжерея с теплицами и еще один жилой двухэтажный флигель в саду. Большую часть участка

за оранжереями до ул. Глинки занимал фруктовый сад, который сохраняется и в настоящее время.

№ 2/4 принадлежал колонисту Ивану Келлерману. В 1836 г. по проекту архитектора А. П. Гильдебрандта для него построили одноэтажную мастерскую, которую в 1853 г. архитектор Н. С. Никитин надстроил мезонином и пристроил террасу. Для фабрики Келлермана было построено другое здание. К 1911 г. вся земля была отдана Келлерманом в аренду и застроена дачами¹⁶.

Все исторические постройки на этих участках утрачены. В настоящее время здесь находится типовое пятиэтажное здание (Московского шоссе, 4), занимающее ширину участка Кремера и смежного с ним участка Келлермана, в глубине находится четырехэтажный дом 1950-х гг. (ул. Глинки, 4).

№ 3/5 – владение М. И. Вернер. Согласно ведомости 1911 г., участок принадлежал наследнице колониста Флейнгауза, его сестре Шарлотте Кемпер¹⁷. Кроме казенного полудома, в саду находился собственный деревянный дом со службами. Остальная земля сдавалась в аренду, видимо под огороды, так как на планах Лангвагена и 1935 г. участок показан свободным от застройки. Сейчас на нем находится одноэтажный дом (Московское шоссе, 8) поздней постройки, вероятно 1910-х гг., возведенный после выкупа участка. За ним в глубине квартала находится упоминавшийся выше типовой пятиэтажный дом № 4 по Московскому шоссе. Между ул. Глинки и Жуковского-Волынского в 1950-е гг. на этом участке выстроены дома № 6 и 8 (нумерация по ул. Глинки).

№ 3/6 – владение колониста В. А. Вебера и его наследников. Кроме казенного полудома со службами, в глубине участка находился небольшой одноэтажный флигель, построенный по утвержденному в 1885 г. проекту архитектора Гомана. Со стороны ул. Жуковского-Волынского на нем находился жилой дом, большой и сложный в плане. После 1911 г. участок разделили на несколько частей между наследниками Вебера¹⁸. Одним из правопреемников был финский уроженец, студент Петербургского технологического института Э. А. Рут (литера А с казенным полудомом). На одном из них в 1910-е гг. возникла усадьба Соболева (ул. Глинки, 3, 5), которая занимала часть территории двух смежных участков Вебера и Кемпера. Генеральный план усадьбы сохранил в неприкосновенности бывший сад Кемпера, а строения расположили на бывшем участке Вебера. Главный усадебный дом Соболева – превосходный образец здания в стиле неоклассицизма. Казенный стасовский дом, владельцами которого были семейства Вернер – Вебер, разобрали одним из первых, еще до 1917 г. Сейчас на этом участке

находится трехэтажный кирпичный дом по ул. Глинки. Остальное пространство участка занимает двор, ограниченный домами 6, 8, 12 и 14 по ул. Глинки.

№ 4/7 – самый крупный участок, принадлежавший первому депутату колонистов Абраму Кемперу и его наследникам¹⁹. Ему принадлежала половина казенного стасовского дома с мезонином, единственного сохранившегося до настоящего времени (Московское шоссе, 16). Во дворе находились два собственных двухэтажных флигеля, в одном из них размещалась фабрика. Земля сдавалась им в аренду и под дачи, между ул. Глинки и Жуковского-Вольнского находились две деревянные дачные постройки. К 1876 г. участок принадлежал наследникам депутата Кемпера, вероятно его сыновьям Федору и Ивану Абрамовичам. Среди его владельцев в 1911 г. Ф. Ф. Кемпер (литера А, Б), Магд. Ив, Вернер, Эм. Ив. Гаф (№ 7 литера Д)²⁰, братья Макс-Оскар, Павел и Герман Рудольфовичи Ветцеры (№ 7 литера Е)²¹.

№ 4/8 – участок, находившийся в общественном пользовании и сдававшийся под огороды. По условиям выкупа, восьмой участок оставался в собственности Дворцового правления²². Его использовали для проведения Ожаровской улицы, а оставшуюся землю разделили на 12 участков, которые предполагалось сдать в аренду под застройку с правом последующего выкупа. Относящийся к нему казенный полудом с мезонином предназначался для школы и конторских целей. Однако дети колонистов посещали приходскую школу при Евангелическо-лютеранской церкви, а также и другие учебные заведения Царского Села. Казенный полудом сдавался обществом колонистов в наем под дачу. Долгое время его снимал известный русский поэт, гофмейстер императорского двора, граф Арсений Аркадьевич Голенищев-Кутузов (1848–1913). На его стихи писали романсы композиторы Мусоргский, Рахманинов, Кюи, Аренский: собрание сочинений в четырех томах опубликовано в 1914 г.

В 1915 г. этот полудом с прилегающими к нему двумя участками вдоль новой Ожаровской улицы по высочайшему повелению предоставили в личное пожизненное пользование, в порядке исключения и с платой 400 руб. в год, вдове поэта Ольге Андреевне²³. В ее прошении говорилось о необходимости сохранения дома как памятника царско-сельской старины и места жительства поэта. Сохранение этого дома особо выделялось и в «Условиях для выкупа»: «Особой платы за дома и другие казенные постройки не брать, но один из домов, построенных при поселении колонистов, должен остаться в неприкосновенности, как памятник Царскосельской старины, под попечением „Общества защиты и сохранения старины“, в ведении и владении Дворцового

правления». По мнению князя Путятина, этот дом следовало бы приспособить для музея или какого-нибудь благотворительного учреждения, например богадельни, для увековечения памяти императора Александра I и его супруги. Вокруг здания следовало бы разбить сквер, который со временем стал бы украшением всего квартала. Это предложение вызвало сочувствие со стороны колонистов, настаивавших при этом на необходимости урегулировать права Кемпера²¹.

В настоящее время на этом участке, кроме стасовского дома, находятся несколько многоквартирных жилых домов постройки 1950-х гг.

№ 5/9 принадлежал колонисту И. В. Кумбруху и его наследникам²². Историческая застройка вся была утрачена еще в довоенный период. Сейчас его занимают дома 1950-х гг. вдоль ул. Чистякова (первое название – Ожаровская).

№ 5/10 площадью 1 дес. 962 кв. саж., бывшее владение семейства Мейер: в 1911 г. – Энгельберт Мейер и наследник Петра Мейера²⁶. На их участке находилась красивая, состоявшая в пользовании всех колонистов²⁷. Казенный полудом, совместный с домом Кумбруха, разобрали еще до 1917 г. В настоящее время здесь находятся два дома, построенные после выкупа участка, по проекту гражданского инженера В. Я. Лангвагена. Со стороны Московского шоссе на нем расположен небольшой деревянный дом в линию с утраченными стасовскими домами, рядом с пятиком, на котором был казенный дом Кумбрухов-Мейеров.

№ 6/11 площадью 1 дес. 622 кв. саж. принадлежал после выкупа М. В. Вайновой²⁸. В 1825 г. здесь первоначально поселили ткача Ф. Я. Кисселя. В 1911 г. его владельцем значился Вильгельм Фурман, которому принадлежал казенный полудом и собственный флигель со службами во дворе, а земля обрабатывалась самим домохозяином. Сейчас в глубине участка между шоссе и ул. Глинки находится двухэтажный каменный дом (станция скорой помощи), предположительно постройки 1910-х гг. На участке между ул. Глинки и Железнодорожной в 1960-е гг. построены три типовых многоквартирных дома.

№ 6/12 – владение ткача И. Н. Шмитца и его наследников²⁹ с 1825 г., площадь участка 1 дес. 1499 кв. саж. Принадлежавший в 1911 г. Якову Шмитцу полудом утрачен после войны. Существующий в глубине этого участка двухэтажный, с террасой и вазами дом, который занимает станция скорой помощи, вероятно построен в 1910-е гг. Во всю ширину участка по ул. Глинки расположен типовой многоквартирный пятиэтажный дом (№ 28).

№ 7/13 в 1911 г. принадлежал колонистам Александру и Вильгельму Мундингерам³⁰. На их участке сохранился деревянный двухэтажный дом (обозначен на плане Лангвагена, № 23 по ул. Глинки) и дом

№ 30. Последний представляет собой особняк в стиле модерна, построен в 1910-е гг. по проекту В. Я. Лангвагена. Выделенный из соседнего владения № 12 Ю. Шмитц земельный участок впоследствии также присоединили к участку А. Мундингера¹¹. Александр Филиппович Мундингер состоял уполномоченным колонистов в период решения вопроса о выкупе земельных участков.

№ 7/14 принадлежал кожевнику И. Видмейеру и его наследникам, в 1911 г. — колонисту Христиану Видмейеру и вдове Елене Видмейер¹². Вид казенного стасовского полудома на этом участке известен по фиксационному чертежу 1880 г.¹³ Находившийся в саду собственный деревянный двухэтажный флигель со службами не сохранился, участок сдавался в аренду. В глубине участка находится трехэтажный большой дом 1950-х гг.

№ 15 построек не имел, находился в общем владении колонистов. Расположенный здесь дом (Московское шоссе, 36) возведен в 1950-е гг.

¹ *Семенова Г. В.* История застройки колонии Фриденваль в Царском Селе. Историческая справка. 1994. КГИОП. Н-3883. Благодарю Л. В. Хайкину за любезно предоставленные материалы, использованные при подготовке справки и данной статьи.

² *Вилковиковский С. П.* Царское Село. Репринтное воспроизведение издания 1911 г. СПб., 1992. С. 43.

³ РГИА, ф. 487, оп. 4, 1816, д. 648, л. 3.

⁴ *Семенова Г. В.* Царскоесельские бульвары // Памятники истории и культуры Петербурга. Исследования и материалы. Вып. 6. СПб., 2002.

⁵ *Семенова Г. В.* Паспорт на границы территории памятника «Жилой дом Фриденвальской колонии (дом Кемпера) с садом». П. VI. 1997 г. КГИОП.

⁶ ИСЗРИ. Собрание первое. Т. 40. 1825 г. Ст. 30.459.

⁷ Архитектор В. П. Стасов. Фасад дома для двух семейств фабрикантов (с изображением мезонина на клапане — дом Кемпера, без клапана — фасады шести домов колонии Фриденваль. 1819 г. // *Пильковский В. П.* Архитектор Стасов. Л., 1963. С. 95.

⁸ РГИА, ф. 487, оп. 4, 1857, д. 365. См. также: *Цылов Н. Н.* Атлас Царского Села. СПб., 1858.

⁹ Б/а. Копия с чертежа В. П. Стасова (Рогинский?) «План дома со службами для двух семейств фабрикантов». 1822–1823 гг. РГИА, ф. 487, оп. 4, д. 979, л. 6–7.

¹⁰ Гражданский инженер В. Я. Лангваген. Проект перепланировки Мануфактур-колонии Фриденваль на основе плана межевой съемки, произведенной в 1909 г. межевным инженером М. А. Хауке. 1911 г. Архив КГИОП.

¹¹ Цифра в числителе дроби обозначает порядковый номер участка колонии, в знаменателе — порядковый номер казенного дома. Такое обозначение для колонии Фриденваль было принято в документах Царскоесельского дворцового правления.

¹² РГИА, ф. 487, оп. 4, 1916, д. 775.

¹³ Там же, 1915–1916, д. 769.

¹⁴ Там же, 1913–1917, д. 757.

¹⁵ Архитектор А. Ф. Видов. План двора и фасад дома в Фриденгальской колонии, с проектом пристройки балкона к полудому 2/3 колониста Якова Кремера. 1870-е гг. РГИА, ф. 485, оп. 3, д. 1079, л. 1.

¹⁶ Там же, ф. 487, оп. 4, д. 756 за 1912 г.

¹⁷ Там же, д. 773, 774 за 1916–1917 гг.

¹⁸ Там же, д. 755 за 1912–1915 гг.

¹⁹ Там же, д. 746 за 1912–1913 гг.

²⁰ Там же, д. 759 за 1912–1913 гг.

²¹ Там же, д. 762 за 1914–1915 гг.

²² Там же, д. 743 за 1913–1917 гг.

²³ Там же, д. 714 за 1911–1917 гг., л. 44, 50, 57.

²⁴ Там же, д. 715 за 1911–1917 гг., л. 53.

²⁵ Там же, д. 748 за 1912–1914 гг.

²⁶ Там же, д. 747 за 1912–1916 гг.

²⁷ Архитектор Рогинский (?). План, фасад и разрез красильни для колонии Фриденгаль на участке братьев Мейер. РГИА, ф. 485, оп. 3, д. 1087, л. 4; Архитектор Н. С. Никитин. Проект ленточной фабрики в Фриденгальской колонии на участке Петра Мейера. 1840 г. РГИА, ф. 485, оп. 3, д. 1087, л. 1.

²⁸ Там же, ф. 487, оп. 4, д. 741 за 1912–1913 гг.

²⁹ Там же, д. 742 за 1912 г.

³⁰ Там же, д. 738 за 1912–1914 гг.

³¹ Там же, д. 758 за 1914–1915 гг.

³² Там же, д. 737 за 1912 г.

³³ Архитектор Н. С. Никитин. План двора и фасад полудома 7/14 в Фриденгальской колонии, принадлежащего Христиану Видемейеру, с проектом пристройки балкона. 1880 г. РГИА, ф. 485, оп. 3, д. 1085, л. 1.

Т. Б. СЕМЕНОВА

Л. Кленце и А. Брюллов

Неогрек в творчестве двух архитекторов

Одно из лучших сооружений, проект которого принадлежит немецкому архитектору Л. фон Кленце, было построено в Петербурге. Новый Эрмитаж – его творческая вершина и архитектурное завещание, как признано современными немецкими исследователями¹. Это здание вызывало восхищение сразу после открытия и продолжало его вызывать после. В 1913 г. замечательные художники и знатоки искусства А. Н. Бенуа и Н. Лансере писали: «одно из самых красивых зданий», и еще: «типичнейший и самый ранний образец „новогреческого» стиля»². Прежде всего это высказывание напрямую относилось к архитектуре здания. Его фасады действительно выделяются из ряда других зданий музея художественным строем, отличающим его от построек классицизма конца XVIII – начала XIX в.